

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

ГЭВИН ФЭРБЭРН,

Перевод Александры Пономаревой

ЧТО МОГУТ СЛАБЫЕ?¹

Мы живем в странное время. Несколько месяцев назад в моем городе, как и во многих других в Великобритании, прошли массовые беспорядки на улицах. Они выросли из протестов, связанных со смертью молодого чернокожего мужчины, убитого полицией в 300 км от Лондона. Несмотря на то, что непосредственной причиной протеста были действия полиции в этом конкретном случае, позже протест перерос в беспорядки и социальные волнения, затронувшие большую часть пригорода Лондона и другие города Великобритании. Некоторые аналитики полагают, что корнем проблемы стало недовольство общества действующим и прошлым правительствами, а смерть молодого мужчины была только катализатором социальных протестов. Другие более скептически полагают, что многие участники этих событий воспользовались случаем, чтобы организовать ночь «бесплатного шоппинга» под предлогом гражданских беспорядков.

В моем городе тысяча или около того в основном молодых людей бесчинствовали на улицах, совершали кражи из магазинов; портили, а иногда и поджигали здания, очевидно ни сколько не опасаясь полиции, которая старалась не арестовывать восставших, возможно полагая, что аресты могут ухудшить ситуацию. Такой подход полиции был еще и частью стратегии, по которой участников беспорядков должны были опознать, используя камеры наружного наблюдения, и арестовать позже.

Так или иначе, какой бы ни была истинная мотивация тех, кто принимал участие в этих событиях, нанесших огромный ущерб городу, включая кражи и разбой, совершенно очевидно, что социальные изменения необходимы, с тем, чтобы свести к минимуму риск повторения подобных беспорядков, возможно, в еще большем масштабе. Какие именно социальные изменения необходимы обществу - сложный вопрос, отвечая на который люди, несомненно, исходят из своих политических убеждений и этических представлений. Какой ответ будет дан на этот вопрос, также зависит от того, насколько велика вероятность, что беспорядки, подобные произошедшим в Лондоне недавно, могут повлиять на благополучие тех, кто отвечает на этот вопрос. И наконец, то, что люди думают и как относятся к подобным событиям, зависит от тех историй, от той информации, которую они услышат по радио, про-

1 Gavin J. Fairbairn, Dr., Prof. Leeds Metropolitan University

чтут в газетах, увидят по телевизору. В этой, как и в других сферах жизни, взгляды, которые мы формируем, образ действий по отношению к другим людям, который мы выбираем, зависит от тех историй, которые мы слышим и которые мы проживаем.

Здесь, однако, я собираюсь говорить не о тех социальных изменениях, которые могут последовать за гражданскими волнениями и преступными беспорядками, подобными упомянутым выше. В соответствии с выбранной мной темой я хочу уделить внимание тому, как истории, которые мы слышим и которые мы рассказываем, могут повлиять на процесс общественных изменений. При этом я буду ссылаться на некоторые аспекты социальных изменений, которые затронули меня лично как в ученого, и которые являются частью таких сфер моей практической деятельности как, например, работа по обеспечению полноценного участия людей с ограниченными возможностями в жизни общества, в том числе работа по интеграции учащихся с ограниченными возможностями в учебный процесс обычных школ; также оказание помощи в организации участия людей с ограниченными возможностями в работе музеев и художественных галерей.

Мы живем в мире, в котором многих людей не ценят, потому что их кожа не того цвета, потому что они не той расы или потому, что их религиозные убеждения не устраивают тех, кто обладает политической и военной властью. Усилия по социальным изменениям, в реализации которых я принимал участие, касались неадекватной оценки другого рода, которая так долго была основой практики исключения инвалидов из общественной жизни. Люди с ограниченными возможностями не соответствуют некоторым сложившимся исторически общественным ожиданиям, относительно того, что ценно и что желательно. Может быть, они не так умны, как другие хотят их видеть. Возможно, их тела не функционируют так, как хотели бы другие. Возможно, они выглядят по-другому или звучат по-другому. А может быть, они просто нуждаются в большей поддержке в их жизни, чем большинство людей.

Одним из проявлений неадекватной оценки общества во многих странах, включая мою, является практика разрешения или даже поощрения абортс с случаях, когда есть хотя бы риск рождения ребенка-инвалида. Другим проявлением искаженной оценки, на мой взгляд, является практика исключения детей-инвалидов из русла общественной жизни, когда их воспитывают в специальных школах, где они изолированы не только от своих здоровых сверстников, но и от собственных семей. С ростом популярности инклюзивного образования, во многих странах мира, как богатых, так и бедных¹, ситуация улучшилась для многих детей-инвалидов. Однако инклюзивное образование еще не стало общепринятым, вероятно, потому, что ценности, которые лежат в его основе, а также в основе развития открытых обществ, еще не смогли укорениться в ряде странах.

1 Я был свидетелем очень успешного опыта включенного обучения в бедных областях Индии в г. Бангалор в 2010.

Истории проходят сквозь нашу жизнь

Жизнь человека осуществляется через истории. Мы рассказываем истории в письмах, мы беседуем с попутчиками в поездах, мы встречаем людей на конференциях и зимних школах и разговариваем с ними за обедом. Многие наши культурные мероприятия состоят почти целиком из возможностей говорить и вновь рассказывать истории, для обмена рассказами, которые составляют нашу жизнь. Ведь большинство человеческих взаимодействий связано с историями. Например, такие вопросы: Как вы долетели? Как прошло ваше занятие по международным отношениям? Как у Вас дела со сбором данных для Вашей работы? Что вы делали во время каникул? Как прошла Зимняя школа? — все эти вопросы представляют собой приглашение рассказать историю.

Рассказывать истории друг другу — не только о том, что случилось с нами, но и о наших надеждах и опасениях, о наших взглядах, предпочтениях — кажется естественным способом коммуникация для нас. Знакомство с историями о нас самих и о других — один из важных способов, с помощью которого мы учимся быть людьми. Мы учимся жизни и находим в ней смыслы, рассказывая истории, которые мы проживаем; узнаем жизни других людей, слушая их истории.

Истории для изменений

И то, какие истории мы рассказываем, и то, как мы их рассказываем, может изменить наш способ мышления и способ действия. И не только это, верно выбрав истории для рассказа, мы можем повлиять на взгляды и поведение других людей. Это одна из причин, почему я собрал большую коллекцию историй, связанных с теми проблемами, которыми я занимаюсь как ученый в сфере прикладной философии и этики. По этой же причине я думаю, что истории важны для социальных изменений.

Каждый, кто живет в современном мире, ежедневно подвергается влиянию историй других людей. Приведу пример из личного опыта. Недавно мне позвонил мой ученик с просьбой одолжить ему немного денег. Разумеется, я спросил о причине его просьбы. Ученик рассказал мне свою историю о том, что у него работе задержали зарплату, сейчас он вынужден просить помощи у меня. Думаю, вы без труда сможете вспомнить подобные истории, способные убедить вас сделать что-то для человека, рассказавшего ее.

Только подумайте о том, как рекламные агентства пытаются убедить нас покупать товары - от дизайнерской одежды и поездок в экзотические страны до последних моделей смартфонов и электронных гаджетов. Рассказывая свои истории в форме слов и картинок, а часто с помощью дорогих видеороликов нас пытаются убедить, насколько наша жизнь была бы лучше, веселее, утонченнее, полнее, если бы только мы приобрели эти товары.

То как рекламные компании используют истории, чтобы заставить нас поверить в возможность улучшения нашей жизни, если мы примем пра-

вильное потребительское решение, похоже на усилия политиков убедить нас своими историями в том, что наша жизнь станет лучше, если только мы поддержим предлагаемые ими программы. Конечно, изменения, к которым могут привести истории рекламных компаний, если мы в них поверим, могут показаться тривиальными по сравнению с тем влиянием, которое могут оказать на нашу жизнь истории политиков. Но в любом случае и то и другое – примеры социальных изменений, такие же как те изменения, которые вызваны историями в новостных лентах и газетах.

Газеты и другие средства массовой информации, включая телевидение, кино и Интернет, являются мощными носителями общественных ценностей. Они помогают формировать общественное мнение и, как следствие, часто способствуют социальным изменениям. Чтобы использовать пример, который относится к одному из моих собственных исследований, я расскажу о том, как СМИ в моей стране способствовали увеличению общественной поддержки эвтаназии. Газеты и другие средства массовой информации постоянно обращали внимание британцев на ситуации, когда больные раком или люди, страдающие от других истощающих заболеваний, как например, мотонейронная болезнь, борются за свое право определить время своей смерти посредством эвтаназии и знать, что врачи, помогающие им умереть, не подвергнутся наказанию.

Одна из моих аспиранток, Люси Рейнольдс, которую признали инвалидом вследствие детского церебрального паралича, исследует то, как британские газеты представляют инвалидность и инвалидов. Она полагает, что истории об инвалидах в новостях можно разделить на несколько типов, которые она называет, например, «истории жертв», в которых инвалиды представляются как жертвы обстоятельств, истории типа «у милашки все в порядке» и «героические истории», в которых инвалид представляется в образе героя, успешно преодолевающего трудности своей болезнью. Некоторые полагают, что такие героические истории об инвалидах – хорошая вещь, так как они описывают и прославляют достижения инвалидов и могут повлиять на отношение к инвалидам со стороны хотя бы некоторых здоровых людей. Однако здесь важно признать, что поскольку авторы этих историй исходят из того, что на самом деле не стоит ожидать от инвалида привычных для других людей достижений, то такие истории можно расценивать негативно.

Работа моей аспирантки относительно представления инвалидности в средствах массовой информации, я полагаю, приведет к совершенно иным последствиям, нежели это могло быть раньше, когда инвалиды были намного менее заметны в обществе. Сейчас после изменений 1970-1980-х гг. в Великобритании, которые привели к появлению идеи о том, что все дети-инвалиды могут учиться в обычных школах вместе со своими обычными сверстниками, такое исследование будет рассматриваться совсем по-другому.

Инвалидность и социальные изменения

В 1976 году, будучи молодым и работая учителем в Шотландии, я участвовал в реализации по тем временам очень необычной образовательной программы, в соответствии с которой дети с отставанием в развитии учились в обычной школе. Каждый день после уроков со мной, ученики 11-15 лет с проблемами в обучении уходили на уроки в классы с другими детьми, которых тогда считали «нормальными», потому что им было легче учиться. Как ни странно, несмотря на трудности в освоении знаний, многие из моих учеников имели очень хорошую успеваемость в обычных классах к удивлению учителей, которые считали этих детей «необучаемыми». Школа, в которой я работал, была всего второй в Шотландии начавшей программу интеграции детей-инвалидов в обычные классы. Когда я работал в этой школе, я часто удивлялся тому, как невежество моих коллег в отношении умственно отсталых людей влияло на их ожидания от моих учеников не только в плане интеллектуальных возможностей этих детей, но и их поведения. Я бы хотел проиллюстрировать это на примере двух коротких историй.

Первая история произошла в учительской, когда один из учителей говорил о мальчике Джеми, который сделал очень хорошую работу по истории. Учителя спрашивали у своих коллег, из какого класса этот мальчик. Когда я сказал, что это мой ученик, никто из педагогов мне не поверили, и все пытались убедить меня в том, что умственно отсталые дети не могут выполнить такой хорошей и качественной работы. Они были уверены в том, что я заблуждаюсь. Доказать свою правоту я смог только показав им списки учеников и преподавателей.

Второй раз я столкнулся с подобной ситуацией, когда на перемене ко мне в класс постучались мальчики из обычного класса и сказали, что их ко мне прислал другой учитель, потому что они плохо вели себя на школьном дворе. Я был удивлен и позже спросил у того учителя об этом случае. Он ответил мне, что эти дети вели себя так агрессивно и глупо, что он был уверен в том, что это мои ученики. Он не хотел верить в то, что это не так.

Эти примеры иллюстрируют то, как рассказанные истории о детях с ограниченными возможностями повлияли на создание мнения учителей шотландской общеобразовательной школы. Только увидев своими глазами истинную картину, учителя изменили свое отношение к таким ученикам.

Годы спустя, в книге под названием «Интеграция особых детей: некоторые этические вопросы», которую я написал вместе со своей женой, я использовал истории, чтобы поставить под сомнение правильность взглядов общества на инвалидов и инвалидность и изменить эти взгляды. Выход этой книги был одной из причин, почему меня пригласили выступить на Польском национальном конгрессе по проблемам интеграции дошкольников в образовательных учреждениях. В своем выступлении на этом конгрессе я использовал много историй, не имеющих отношения к образованию, потому что я хотел заставить участников конгресса пересмотреть свои ценности и

тем самым изменить свое отношение к инвалидам и инвалидности. Я начал свое выступление с рассказа о Томе, мальчике-инвалиде, который был стерилизован в возрасте тринадцати лет, потому что персонал учреждения, в котором он жил, посчитал, что Том представлял угрозу по отношению к женщинам, работавшим и проживавшим в этом учреждении. Что вы думаете о том, что случилось с Томом? Не кажется ли вам, что стерилизацию нельзя оправдать никакими опасениями?

Целью моего обращения к этой истории тогда, как и сейчас, было вовлечение аудитории в дискуссию о том, насколько подобное обращение с ребенком было допустимо, я надеялся, что люди признают возмутительным такое обращение с тринадцатилетним мальчиком со средним уровнем интеллекта. Том не совершал никаких проступков, его поведение не давало никаких оснований считать его опасным для окружающих его женщин, все что он сделал — он был невинным подростком, имеющим трудности в обучении. Интересно, что к тому времени, как Тому исполнилось двадцать два, у него была работа, машина, квартира и невеста, на которой он хотел жениться и с которой он пришел к семейному врачу, чтобы выяснить возможность отменить стерилизацию. Возможно, то, что Вы знаете этот факт, заставит вас изменить свое отношение к истории о мальчике Томе.

Истории Тома из США уже около тридцати лет. Однако я не могу быть полностью уверен в том, что подобная ситуация не произойдет в наши дни, хотя за это время произошло огромное количество социальных изменений, и сейчас другие взгляды на инвалидов. Очень похожие вещи несомненно продолжают происходить в моей стране даже сейчас. Эта история, рассказанная мной на конгрессе в Польше, который стал началом движения за инклюзивное обучение в этой стране, позволила мне ухватить внимание слушателей и заставить их подумать о различиях в том, как мы относимся и как мы обращаемся с инвалидами и с обычными людьми. Подобную роль сыграла и следующая история:

Ребенок родился с синдромом Дауна и серьезными проблемами с кишечником. Об этом было сообщено его родителям. Врачи также сказали, что по причине синдрома Дауна, ребенок будет развиваться медленнее своих сверстников, и его жизнь будет более ограниченной, по сравнению с жизнью обычных детей. Родителям также сообщили, что если не провести несложную операцию на кишечнике, малыш умрет. Наконец, у родителей спросили, нужно ли проводить эту операцию.

Я рассказывал эту историю в различных контекстах: во время работы с медсестрами, акушерам, учителям, социальным работникам и врачам, работающим с тяжелобольными детьми. Часто меня удивляли ответы, которые я получал на вопрос, нужно ли было спрашивать у родителей, стоит ли проводить операцию, которая сохранит жизнь их ребенку. Что вы об этом думаете? Вам кажется, что этом ребенку нужно было дать умереть? Нужно и было спрашивать у его родителей, стоит ли позволить их ребенку умереть?

Интересно то, что люди, которые считают приемлемым позволить такому ребенку умереть, не считают возможным прекращение необходимого ле-

чения ребенка-неинвалида, для сохранения жизни которого, по их мнению, должно быть сделано все возможное. Это говорит о том, что эти люди считают жизнь ребенка-инвалида менее ценной, чем жизнь обычного ребенка. Интересно, что после обсуждения этой истории и реакции людей на нее, эти люди нередко меняют свое отношение.

Я надеюсь, вы видите, что рассказанные мной истории об этих детях-инвалидах напрямую связаны с социальными изменениями в отношении принятия интегративного или включенного обучения. Наряду с этими историями, которые демонстрируют отношение многих людей и сейчас к вопросам инвалидности, необходимы истории, которые дают позитивную картину того, что может быть достигнуто. Позвольте мне поделиться одной такой историей с вами.

Когда я работал учителем с детьми с проблемами в обучении, я встретил много детей разного уровня развития. Сейчас хотел бы рассказать об одном мальчике, звали его Джон. Когда он пришел ко мне в класс, он не умел писать даже свое имя, не говоря уже о выполнении самых обычных заданий в классе. Так было написано в его личном деле, так и было в действительности, но он довольно скоро всему научился. Это покажется странным, но он присоединился к моему классу с помощью картинок.

Когда он только появился в классе, Джон очень стеснялся и все время сидел один у окна, отказываясь что-либо делать. Но через пару недель он стал иногда рисовать картинки на маленьких кусочках бумаги, а потом сворачивал их и выбрасывал в мусорную корзину. Картинки были настолько маленькими, что их почти нельзя было разглядеть. Через некоторое время я начал доставать его картинки из мусорного ведра, отглаживать их дома, аккуратно обрамлять и выставлять их в классе на следующий день с подписью, например, «Джон нарисовал собаку». Потом я стал спрашивать мнения Джона о том, как мне лучше описывать его картинки. Подписывая картинки мальчика, я отдавал ему получившуюся работу и просил переписать надпись к картинке. Картинки Джона становились все больше по размерам. А когда однажды Джон сообщил мне, что он может написать историю о своей картинке, я понял, что он превратился в писателя. У Джона был потенциал, чтобы научиться читать и писать, и он научился этому после того, как поддерживали его склонность к рисованию.

Несомненно, как можно более тесное совместное обучение обычных детей и детей инвалидов подразумевает определенные трудности, но на мой взгляд — это то, к чему мы должны стремиться, потому что мы живем в обществе, где есть как здоровые люди, так и инвалиды. Чем успешнее мы в достижении этой цели, тем легче будет нам решать другие связанные с этим проблемы, о которых я также хотел бы рассказать, так как они связаны с темой социальных изменений в отношении включенного обучения.

В последние несколько лет я работаю с краеведческим музеем г. Ста-лёва-Воля на юго-востоке Польши. Цель нашего сотрудничества - оказание помощи сотрудникам музеев и художественных галерей Польши в обеспечении доступности музеев для инвалидов и особенно для людей с проблема-

ми в обучении. Эта работа, в которой я стал участвовать по приглашению директора музея, является частью той же этической и политической инициативы, что и моя предыдущая работа с коллегами в области образования, направленная на обеспечение интеграции детей с ограниченными возможностями в обычные общеобразовательные школы. Хотя в центре внимания этой работы инвалиды, в действительности результатом будут положительные изменения, охватывающие общество в целом.

То как мы организуем наши галереи и музеи — этическое послание, потому что в этом содержится история о том, что и кого мы ценим, а что и кого нет. Многие препятствия к полноценному участию инвалидов во всех сферах общественной жизни, легко устранить при наличии достаточных ресурсов. Чтобы облегчить доступ людей с ограниченными возможностями в здания, достаточно будет поставить пандусы, расширить или сделать автоматические двери, соответствующим образом оснастить уборные. Совсем не сложно предоставить информационные ресурсы для людей с проблемами слуха или зрения.

Действительно сложно устранить другие барьеры, которые не позволяют инвалидам получать по-настоящему хорошее в жизни. Я говорю, например, о психологических, этических и политических препятствиях. Психологические барьеры связаны в первую очередь с нашим воображением и его ограничениями. Например, чтобы обеспечить наилучший возможный доступ людей с ограниченными физическими возможностями в здания, нужно не только знать об ограничениях и сложностях, которые испытывают люди с разными видами ограничений, но и обладать эмпатией, то есть быть в состоянии представить, что чувствует другой человек, быть в состоянии представить себя на месте другого человека, пожить его жизнью, почувствовать мир так, как его чувствует другой. Пока мы не сумеем представить себе опыт человека, который не может слышать, человека, который не может видеть, или того, кто не может самостоятельно передвигаться по музеям и выставкам, или того, кто все это может, но не в состоянии понять информационные сообщения, предназначенные для посетителей музеев, мы не сможем привнести изменения, которые устранят препятствия для людей, какие бы ограничения у них ни были.

Эмпатия — это приобретаемый навык. Он тесно связан с состраданием, но в то время как сострадание — это эмоциональная реакция, которой мы часто не можем управлять, мы можем контролировать эмпатию. Эмпатия не является добродетелью сама по себе. Именно эмпатия помогает, например, ловкому продавцу убедить людей купить товары, которые им на самом деле не нужны, на деньги, которых у них на самом деле и нет. Именно эмпатия позволяет палачу так умело мучить людей, потому что он в состоянии представить себе, что будет действительно невыносимо для его жертвы. Поэтому если эмпатия должна помогать нам в решениях относительно инвалидов, то она должна непременно сопровождаться желанием делать им добро, а это вырастает из этической ценности уважения к инвалидам.

Только когда мы будем жить в обществе, где потребности каждого считаются одинаково важными, где большое значение придается тому, чтобы каждый мог реализовать себя максимально полно, и тому, чтобы каждый - и обычный человек и инвалид - имел равные шансы расти и развиваться, воплощать и демонстрировать свои таланты, только при этих условиях перестанут существовать препятствия для людей с ограниченными возможностями в получении действительно хорошего в жизни.

Если бы я хотел представить теоретический подход к проблеме социальных изменений в отношении инвалидов, а не более практических, я бы обратился к вопросу о том, может ли законодательство само по себе быть достаточным инструментом для реализации необходимых общественных изменений в той или иной сфере. По моему мнению, не может. В Великобритании большое внимание уделялось предотвращению дискриминации в отношении инвалидов. Наш закон о дискриминации в отношении инвалидов (Disability Discrimination Act) устанавливает правила, по которым все, начиная с местной власти, заканчивая бизнесом, должны обеспечить, если это возможно «разумными способами», отсутствие дискриминации по отношению к инвалидам в деятельности своих организаций. Однако, законодательные меры недостаточны сами по себе. Хотя законы могут заставить людей действовать определенным образом, закон не может изменить чувства, взгляды и убеждения. Те, к чьим убеждениям не относится равная ценность всех людей, легко могут обойти закон. На мой взгляд, хотя законодательство хорошо отражает те ценности, в соответствии с которыми мы хотим жить и в соответствии с которыми мы стремимся изменить наше общество, действительно ценные социальные изменения могут произойти только через образование и через контакт с инвалидами, как непосредственный контакт, так и прикосновение через те истории, которые рассказывают люди.

Заключительные замечания

В этой статье я говорил о своем видении роли историй, которые мы рассказываем и которые мы слышим, в процессе социальных изменений. Мое рассуждение построено на отношении этой идеи и некоторых аспектов социальных изменений, с которыми связана моя научная и практическая деятельность в сфере образования, здравоохранения и социальной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fairbairn, G and Fairbairn, S. (1991) Integrating Special Children: some ethical issues, Aldershot, Gower.
2. Fairbairn, G., Rowley, D. and Bowen, M. (1995) Sexuality, learning difficulties and doing what's right, London, David Fulton.
3. O'Brien, J. and Mount, B. (2000) 'Telling New Stories: the search for Capacity', in O'Brien, J. and O'Brien, CL A little book about PERSON CENTRED PLANNING, Toronto, Inclusion Press